

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.08

Правильная ссылка на статью:

Паращевин М. А. Конфессиональные особенности геополитических ориентаций населения Украины // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 111—126.

For citation:

Paraschevin M. A. Confessional features of geopolitical orientations of the Ukrainian population. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2016. № 5. P. 111—126.

М. А. Паращевин КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ

CONFESSIONAL FEATURES OF GEOPOLITICAL ORIENTATIONS OF THE UKRAINIAN POPULATION

*ПАРАЩЕВИН Максим Анатольевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
E-MAIL: paraschevin@ukr.net
ORCID: 0000-0003-1384-4539*

*Maxim A. PARASCHEVIN¹ — Candidate of Sociology, Senior Research Fellow
E-MAIL: paraschevin@ukr.net
ORCID: 0000-0003-1384-4539*

¹ Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine

Аннотация. Геополитические ориентации населения Украины определяются многими историческими и современными факторами. В числе последних возможно влияние религиозных организаций (конфессий), имеющих различные представления о геополитическом направлении движения Украины. В ситуации значительной секуляризации политического и социокультурного поля возможности их влияния (и, соответственно, возможности использования этого влияния разными политическими силами) спорны. Проанализированы данные массового

Abstract. The geopolitical orientation of Ukraine's population is determined by many historical and contemporary factors. The latter may involve the influence of the religious organizations (denominations) with different geopolitical views on Ukraine's development direction. Against substantial political and socio-cultural secularization, their capacity to influence the situation is debatable. The data of a Ukrainian public survey conducted in June and July 2016 is used by the author. The study reveals that geopolitical orientations of religious people are partially influenced by confessional belonging. At

опроса населения Украины в июне-июле 2016 г., продемонстрировано, что некоторое влияние конфессиональной принадлежности на геополитические ориентации религиозных людей имеет место. При этом основные украинские конфессии могут быть проранжированы по степени близости позиций самих организаций и позиций их прихожан. Наибольшая степень совпадения фиксируется среди прихожан Украинской Греко-Католической Церкви, значительно меньшая — среди прихожан Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата, и наименьшая — среди прихожан Украинской Православной Церкви Московского Патриархата. Отмечается, что высокая степень совпадения позиции Церкви и ее прихожан имеет место в Церквях, ориентированных на западный вектор движения Украины, тогда как российскоориентированная Украинская Православная Церковь Московского Патриархата имеет относительно слабое влияние на позиции верующих в этом вопросе.

Ключевые слова: геополитические ориентации, Россия, Украина, Европейский Союз, конфессиональный фактор, Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата, Украинская Православная Церковь Московского Патриархата, Украинская Греко-Католическая Церковь, межконфессиональные отличия

the same time, the main Ukrainian denominations can be ranked according to affinity of views of the organizations and their parishioners. The highest degree of coincidence is among the parishioners of the Ukrainian Greek Catholic Church, much lower degree — among the parishioners of the Ukrainian Orthodox Church — Kiev Patriarchate, and the lowest degree — among the parishioners of the Ukrainian Orthodox Church — Moscow Patriarchate. More similarities in the positions of the Church and its parishioners are found at the West-oriented parishes, whereas Russia-oriented Ukrainian Orthodox Church — Moscow Patriarchate has relatively little effect on the position of the believers.

Keywords: geopolitical orientations, Russia, Ukraine, European Union, confessional factor, Ukrainian Orthodox Church — Kiev Patriarchate, Ukrainian Orthodox Church — Moscow Patriarchate, Ukrainian Greek Catholic Church, inter-confessional differences

Вопрос о том, в каком геополитическом направлении должна двигаться Украина, появился сразу после обретения ею независимости. С самого начала имело место расхождение мнений и на уровне политических элит, и на уровне обычных граждан. Одна часть страны желала и желает движения в сторону развитых европейских стран, другая — установления тесного союза с Россией [Вишняк и др., 2009; Хуткий, 2014]. Вопрос этот в течение всего периода независимости Украины был болез-

ненным, став одним из основных конфликтогенных и дезинтегрирующих факторов, резко обострившимся после 2013 г. [Дембіцький, Любива, 2014].

Проблема геополитических ориентаций всегда была сложной и комплексной вследствие наложения разнообразных факторов, влияющих на позиции конфликтующих сторон. Это и экономический фактор (для кого-то первичными являются ожидания, что движение в сторону богатого Запада приведет к приближению экономики Украины к европейскому уровню), и политический (стремление одних к укреплению демократических свобод и стремление других к порядку и предсказуемости, связанным с авторитарными режимами), и социокультурный (субъективное ощущение близости к Европе или к России), и фактор страхов (оценка близости с Россией в качестве угрозы национальной самостоятельности) [Шилов, 2014]. Одним из факторов, потенциально влияющих на мнение разных групп населения в этом вопросе, является конфессиональная принадлежность.

В частности, это связано с тем, что «религиозная карта» Украины достаточно пестрая, на ее территории действуют различные Церкви, не являющиеся национальными и имеющие центры притяжения за пределами страны. Соответственно, эти конфессии могут выступать (и выступают) в качестве игроков, пытающихся осуществлять поддержку позиций своих «материнских» Церквей, а также стоящих за этими Церквями стран.

На сегодня конфессиями, охватывающими наибольшую долю верующих, являются: Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата (УПЦ КП), Украинская Православная Церковь Московского Патриархата (УПЦ МП) и Украинская Греко-Католическая Церковь (УГКЦ). Если говорить о собственно религиозных организациях, то они с точки зрения движения на Запад или Восток существенно расходятся во взглядах на будущее Украины. Однозначно прозападную позицию (определяющуюся четкими цивилизационными ориентациями) выражает УГКЦ, тогда как УПЦ МП ориентируется на «русский мир».

Что касается УПЦ КП, то положение не такое однозначное. С одной стороны, будучи в значительной мере политическим проектом, связанным с государственной независимостью, и позиционирующим себя как «национальная православная Церковь» (и на этой почве жестко противостоя УПЦ МП), она ориентируется на западный вектор. Однако, являясь Церковью православной (а православие в течение столетий выступало антиподом католицизма, с осторожным или враждебным отношением к католическим странам, что сформировало в нем мощный заряд антизападничества и антилиберализма), она не может целиком ориентироваться на европейские ценности. В результате ее позиция является не целостной, разделенной; для нее приемлем некоторый баланс между европейской и православной цивилизациями.

Все сказанное отображает позиции собственно Церквей, мера влияния которых на своих прихожан в этом вопросе дискуссионна. Религиозность украинцев (так же как и россиян) далека от той, какой хотелось бы Церквям. Большинство наших верующих являются совсем или слабо воцерковленными, склонны к самостоятельности в выборе тех составляющих религиозного учения, которые они готовы принимать, разделяют представления об отделении религии от государства (и, по крайней мере, о нежелательности вмешательства Церкви в политику). Для

значительной части верующих принадлежность к Церкви является скорее формальной, ограниченной исключительно магически-ритуальной составляющей. Соответственно, для таких людей Церковь не является авторитетом в мирских делах, и ее политические позиции существенно не влияют на них в этой сфере (кроме тех случаев, когда эта позиция совпадает с уже сформированными убеждениями людей). Да и сами Церкви преимущественно являются объектом политики, вписываясь в уже существующие политические дискурсы, пытаясь присоединиться к той или иной уже существующей политической силе с целью реализации своих собственных организационных интересов. Соответственно, принадлежность к той или иной конфессии не обязательно является определяющей для формирования и сохранения тех геополитических ориентаций, которые разделяются той или иной Церковью.

Нельзя полностью отрицать возможность влияния конфессиональной принадлежности. Прихожане разных Церквей могут рассматриваться как особые социальные группы, имеющие разные социальные интересы и разные ориентации. Принадлежность к конфессии может быть «наследственной» (что имело место на протяжении большей части человеческой истории) или добровольной, когда индивид сознательно входит в какую-то религиозную организацию (что достаточно характерно для современного индивидуализированного, атомизированного общества). В обоих случаях некоторое влияние религиозных организаций будет иметь место. В первом случае некоторая совокупность ценностей будет транслироваться и накладываться на личность вследствие воспитания в религиозной семье и контактов (более или менее частых) с Церковью. Во втором случае можно ожидать, что выбор той или иной конфессии делается с учетом соответствия транслируемых этой конфессией взглядов, норм, ценностей тем ценностям, которые являются приемлемыми для индивида, т. е. определенная Церковь будет притягивать определенных людей (например, человек, негативно относящийся к России, скорее всего, будет дистанцироваться от УПЦ Московского Патриархата, и более вероятно придет в УПЦ Киевского Патриархата). Таким образом, влияние Церкви может осуществляться и через непосредственное восприятие этой организации как носителя святости и моральной оценки политики, и через поддержку Церковью тех убеждений человека, которые сформированы вне этой Церкви.

Возникает задача оценки меры влияния конфессиональной принадлежности на принадлежность к «лагерю» сторонников интеграции с Европой или с Россией. Для такой оценки я воспользуюсь данными массового репрезентативного опроса населения Украины, проведенного в 2016 г. Институтом социологии Национальной академии наук Украины в рамках многолетнего мониторинга социально-политических и социально-экономических ориентаций населения¹. С подробным описанием методики данного мониторингового исследования можно ознакомиться [Головаха, Паніна, 2014].

Используя данные этого опроса, выявим, насколько отличаются геополитические ориентации людей, принадлежащих к основным конфессиям (УПЦ КП, УПЦ

¹ Опрос проводился 13 июня–4 июля 2016 г. во всех областях Украины по квотной выборке, репрезентирующей взрослое (старше 17 лет) население Украины по параметрам пола, возраста, региона проживания, типа населенного пункта (большие, средние, малые города, ПГТ и сёла). Общее количество опрошенных — 1802 человека.

МП, УГКЦ). Также, для более четкого представления о степени влияния на эти ориентации именно конфессиональной принадлежности, в качестве контрольных используем группы идентифицировавших себя как православных, не принадлежащих ни к одной из Церквей (таких оказалось 39 % от тех, кто идентифицировал себя как православных, или 35 % от всех верующих), и лиц, не имеющих религиозных убеждений (в дальнейшем буду обозначать эти группы как «внецерковные православные» и «нерелигиозные»).

Сравнение групп религиозных и нерелигиозных имеет смысл, поскольку в ситуациях отсутствия отличий между ними в восприятии какой-то проблемы (или отношения к какой-либо ценности) можно говорить либо о полном отсутствии влияния той или иной конфессии в этом вопросе (и преобладающем влиянии других, внерелигиозных факторов), либо об очень опосредованном влиянии не столько самой конфессии, сколько религиозных установок, чья религиозная основа уже забыта, и они стали общекультурными факторами, влияющими и на религиозных, и на нерелигиозных людей.

Для измерения отношения населения Украины к разным направлениям интеграции в анализируемом опросе использовались вопросы: «*Как Вы относитесь к идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси?*» и «*Как Вы относитесь к вступлению Украины в Европейский Союз?*».

Что касается отношения к присоединению к союзу России-Беларуси, то здесь очень четко выделяются греко-католики, среди которых имеет место почти единогласное (98 %) неприятие таких действий. Также негативное отношение к вступлению в этот союз преобладает среди прихожан УПЦ КП (против такого шага — 65 %, за — только 19 %). В более значительной мере пророссийски настроены прихожане УПЦ МП, но даже среди них позитивно оценили бы такой шаг около трети (36 %), тогда как негативное отношение продемонстрировали 44 %. Таким образом, позиция «рядовых» греко-католиков практически полностью совпадает с позицией их Церкви, тогда как среди прихожан УПЦ КП уже для трети позиция их Церкви не является указанием к действию, а среди прихожан УПЦ МП — таких уже больше половины.

При этом распределение мнений прихожан УПЦ МП не имеет статистически значимых отличий от соответствующих распределений мнений как внецерковных православных, так и нерелигиозных лиц. Негативное отношение к участию в союзе России-Беларуси высказали около трети членов каждой из этих групп, тогда как позитивное отношение — немного меньше половины. Причем во всех этих группах была более высокая, чем среди прихожан УПЦ КП и УГКЦ, доля затруднившихся ответить (рис. 1).

В отношении вступления Украины в Европейский Союз снова высокую степень единодушия проявили только греко-католики: из представителей этой конфессии 84 % поддерживают такой шаг и только 4 % не поддерживают. На другом «полюсе» располагаются прихожане УПЦ МП: среди них около 38 % высказались против такого шага и приблизительно столько же (40 %) высказались «за». Прихожане УПЦ КП снова оказались между этими двумя «полюсами». Среди них в поддержку вступления в ЕС высказались немногим более половины, тогда как четверть не поддержали подобного шага. И снова, отличия мнений в группах прихожан

УПЦ МП, внецерковных верующих и нерелигиозных лиц, оказались статистически не значимыми (рис. 2).

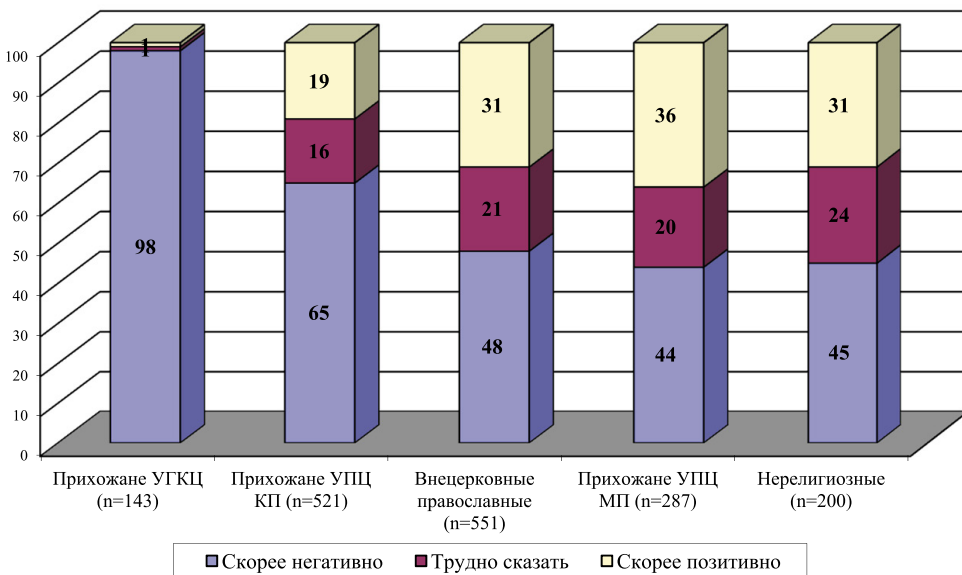

Рисунок 1. Отношение к идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси, 2016 г., %

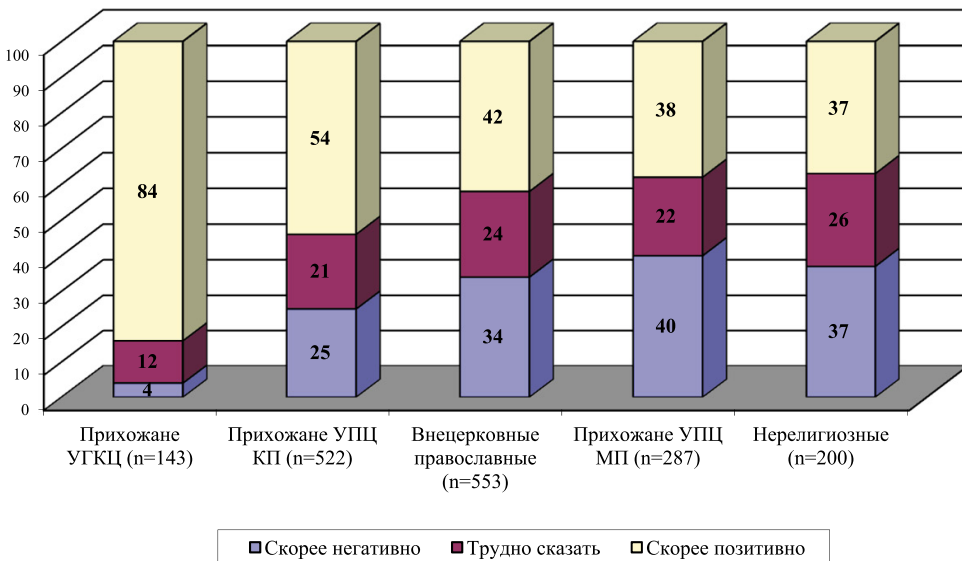

Рисунок 2. Отношение к вступлению Украины в Европейский Союз, 2016 г., %

Таким образом, как и в первом рассмотренном вопросе, наибольшее совпадение с «официальным» мнением Церкви имеет место среди греко-католиков (хотя уже в несколько меньшей степени, чем в случае с неприятием союза с Россией), меньшая степень такого совпадения — у прихожан УПЦ КП, и наименьшая — у прихожан УПЦ МП.

При рассмотрении проблемы поддержки разных направлений интеграции стоит обратить внимание не только на распределения на каждый представленный выше вопрос, но и рассмотреть уровень их согласованности. Ведь в принципе эти два направления интеграции являются взаимоисключающими, и теоретически поддержка одного из них должна вести к отрицанию другого. Однако в реальности все не так просто. Люди не всегда являются строго логичными, к тому же может использоваться другая логика. Если исходить из того, что интеграционные ориентации могут формироваться не столько под влиянием системы ценностей, сколько под влиянием прагматических поисков «лучшей жизни», то готовность поддержать одновременно оба противоположных направления интеграции не является чем-то ненормальным, а лишь отображает прагматические представления какой-то части населения. Эта часть может приветствовать любую интеграцию, ожидая улучшения своей жизни от любого из сценариев. В то же время, здесь стоит задача оценить меру влияния разных Церквей на геополитические ориентации своих прихожан. И, в случае фиксации несогласованности интеграционных ориентаций прихожан какой-то конфессии, которые вследствие такой несогласованности будут отличаться от позиции Церкви, можно будет говорить об отсутствии или слабости влияния этой Церкви в данном вопросе.

Для оценки этой составляющей геополитических ориентаций два проанализированных выше признака были скомбинированы таким образом, чтобы выделились следующие группы: 1) те, кто уверенно ориентируется на Россию (позитивно оценившие присоединение к союзу России-Беларуси и одновременно негативно оценившие присоединение к ЕС, или затруднившиеся ответить относительно последнего); 2) те, кто уверенно ориентируется на ЕС (позитивно оценившие присоединение к ЕС и одновременно негативно оценившие присоединение к союзу России-Беларуси, либо затруднившиеся ответить относительно последнего); 3) те, кто демонстрирует амбивалентные ориентации (позитивно оценившие оба направления интеграции); 4) противники обоих направлений интеграции (негативно оценившие оба варианта или негативно оценившие один вариант и затруднившиеся ответить относительно другого); 5) не имеющие определенной позиции (затруднились ответить на оба вопроса).

Если провести сравнение прихожан разных конфессий по этому комбинированному признаку, то увидим, что уровень амбивалентности ориентаций является достаточно небольшим. Естественно, учитывая однозначно проевропейскую позицию греко-католиков, наибольший уровень согласованности в этом случае имеет место среди представителей этой конфессии: среди них 83% однозначно поддержали вступление в ЕС, тогда как двойственную позицию занял только один опрошенный из этой группы. С точки зрения согласованности позиций прихожане УПЦ КП и УПЦ МП оказались практически неразличимы. И в первой, и во второй группах однозначный выбор в пользу либо России, либо ЕС сделали 65%, двой-

ственную позицию (за интеграцию в любом направлении) высказали около 5 %, по 23 % не поддержали ни одно из направлений, и около 8 % не смогли определиться. Также представители обеих конфессиональных групп значимо не отличаются от групп внецерковных православных и нерелигиозных (табл. 1).

Таблица 1. Мера однонаправленности интеграционных ориентаций разных групп респондентов, 2016 г., %

Характер интеграционных ориентаций	Группы респондентов				
	Прихожане УПЦ КП (n = 521)	Прихожане УПЦ МП (n = 287)	Прихожане УГКЦ (n = 143)	Внецерковные православные (n = 551)	Нерелигиозные (n = 200)
Поддержка исключительно союза с Россией-Беларусью	15	32	0	24	27
Поддержка исключительно вступления в ЕС	50	33	83	36	34
Одновременная поддержка присоединения к союзу России-Беларуси и вступления в ЕС	4	5	1	6	4
Неприятие обоих направлений интеграции	23	23	15	24	25
Отсутствие определенной позиции	8	7	1	10	10
Всего	100	100	100	100	100

Далее отметим, что ориентации на политическую интеграцию оказались не обязательно привязанными к ценностным ориентациям верующих. В анализируемом опросе ставился вопрос: «Скажите, пожалуйста, традиции, ценности и нормы поведения граждан каких стран наиболее близки Вам?», с вариантами ответов, связанных с большей или меньшей близостью к Западной Европе или восточнославянским странам. Здесь снова значительно более проевропейскими показали себя греко-католики, хотя и с гораздо меньшим единодушием, чем в вопросе об интеграции с ЕС: среди них близость к ценностям западноевропейских стран отметили 63 %, тогда как 20 % посчитали близкими ценности восточнославянских стран, а 17 % затруднились с подобной идентификацией.

Что касается прихожан основных православных Церквей, то прихожане УПЦ КП чаще отмечали свою близость с ценностями Западной Европы (34 %, по сравнению с 20 % среди прихожан УПЦ МП), тогда как среди прихожан УПЦ МП ярче выражено ощущение связи с ценностями восточнославянских стран (59 %, по сравнению

с 44 % среди прихожан УПЦ КП). Здесь более четко видна некоторая промежуточная позиция прихожан УПЦ КП. Если среди греко-католиков и прихожан УПЦ МП большинство определились в своих ценностных «симпатиях», то среди прихожан УПЦ КП большинства не набрала ни одна из позиций, при этом наибольшая доля этой группы ориентирована все-таки на восточнославянские страны. Внецерковные православные в этом случае оказались ближе к прихожанам УПЦ КП; 30 % из них считают свои ценности приближенными к ценностям жителей Западной Европы, тогда как на восточнославянский мир ориентируются 45 % (табл. 2).

Таблица 2. **Распределение ответов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, традиции, ценности и нормы поведения граждан каких стран наиболее близки Вам?», 2016 г., %**

Варианты ответов	Группы респондентов				
	Прихожане УПЦ КП (n = 522)	Прихожане УПЦ МП (n = 287)	Прихожане УГКЦ (n = 143)	Внецерковные православные (n = 553)	Нерелигиозные (n = 200)
Стран Западной Европы	17	9	37	16	14
Скорее стран Западной Европы, чем восточнославянских	17	10	26	15	16
Трудно сказать	22	21	17	23	17
Скорее восточнославянских стран, чем стран Западной Европы	21	34	13	26	34
Восточнославянских стран	23	26	7	20	19
Всего	100	100	100	100	100

Теоретически, представления о ценностной близости с западными или со славянскими странами должны конвертироваться в поддержку интеграции в соответствующем направлении. Однако такое совпадение имеет место далеко не всегда. В частности, среди греко-католиков абсолютное неприятие присоединения к союзу России-Беларуси имеет место не только среди того большинства, для которого более близки ценности Западной Европы, но и среди тех немногих, кому ближе восточнославянские ценности и нормы (негативные ответы в этой группе составили 89 %).

Схожая картина наблюдается и среди представителей других конфессий. Так, среди прихожан УПЦ КП, считающих свои ценности приближенными к восточнославянским, только 30 % позитивно оценили присоединение к союзу России-Беларуси, тогда как 53 % однозначно против этого (17 % не смогли определиться). И, наоборот, в этой же группе 44 % позитивно оценили вступление в ЕС, тогда как «против» высказались только 34 % (21 % не смогли определиться). Точно так же, среди тех прихожан УПЦ КП, которые отметили свою близость к западноевропей-

ским ценностям, вступление в ЕС поддержали 67 % (14 % высказались против, а 20 % не смогли определиться).

Расхождения между представлениями о близости к ценностной системе западного или восточнославянского мира и поддержкой соответствующих направлений политической интеграции имеют место и среди прихожан УПЦ МП. Среди тех респондентов этой группы, кому более близки ценности и нормы восточнославянских стран, только 50 % позитивно отнеслись к возможному присоединению к союзу России-Беларуси, тогда как 34 % оценили подобную перспективу негативно; также 31 % позитивно отреагировали бы на присоединение к ЕС, тогда как однозначно против этого — 48 %.

Таким образом, среди представителей всех конфессий, представления о ценностно-культурной близости с тем или иным субъектом далеко не всегда выступают в качестве фактора, влияющего на восприятие непосредственных действий (вроде присоединения к тому или иному политическому союзу), т. е. опять проявляется неоднократно фиксируемая ситуация возможных расхождений между ценностными ориентациями и реальным поведением. Можно высказать гипотезу, что ценность социокультурной близости для населения Украины менее приоритетна, чем социально-политические ценности либеральной демократической политической системы (или «сильной руки», ассоциируемой, соответственно, с ЕС и Россией) и прагматические материалистические ценности более высокого уровня жизни. Если эта гипотеза верна, то достаточно призрачными являются надежды на то, что УПЦ МП, являющаяся составной частью Русской Православной Церкви, способна быть одним из инструментов удержания населения Украины в орбите «русского мира».

Также можно отметить присутствие некоторой эклектичности сознания респондентов. В частности, только у греко-католиков представления о том, что Россия является враждебной для Украины страной, полностью совпадают с отношением к интеграции с ней. Среди респондентов, принадлежащих к другим конфессиям, уже наблюдается некоторая вариативность. Так, среди тех прихожан УПЦ КП, которые оценили Россию как враждебную страну, 8 % позитивно отнеслись к потенциальному вступлению в союз с ней, а 13 % не смогли определиться в поддержке или неприятии подобного шага. Среди прихожан УПЦ МП, отнесших Россию к категории враждебных стран, уже 14 % поддержали одновременно вступление в союз с ней и 16 % не смогли определиться относительно последнего (рис. 3). При этом статистически значимые отличия имеются только между греко-католиками и остальными рассматриваемыми группами, а также в долях негативного отношения со стороны прихожан Киевского патриархата и внецерковных православных.

Прежде чем делать окончательные выводы из отмеченных выше отличий в рассмотренных показателях в разных конфессиональных группах, необходимо проверить, не являются ли эти отличия результатом воздействия вовсе не конфессиональной принадлежности, а каких-то иных характеристик. Речь идет о том, что если рассматривать собственно религиозность, то она сама зависит от многих социальных характеристик: в частности, имеется некоторая зависимость от пола (религиозность выше среди женщин), возраста (религиозность выше в старших возрастных категориях), места проживания (религиозность выше в сёлах и меньше

в городах), региона (что касается Украины, то религиозность выше в Западном регионе, и значительно ниже в Южном и Восточном). Между отношением к чему-либо и этими характеристиками также может быть связь, причем в таком же направлении, как и связь с религиозностью. Соответственно, когда фиксируется связь между религиозностью и неким признаком, и в то же время связь такого же направления фиксируется между этим признаком и, например, возрастом, можно предположить, что определяющим здесь будет именно возраст, а не религиозность. Поэтому, прежде чем делать выводы о значимости именно религиозности, необходимо провести сравнение религиозных/нерелигиозных внутри тех социально-демографических групп, для которых имеет место такое совпадение направления связи.

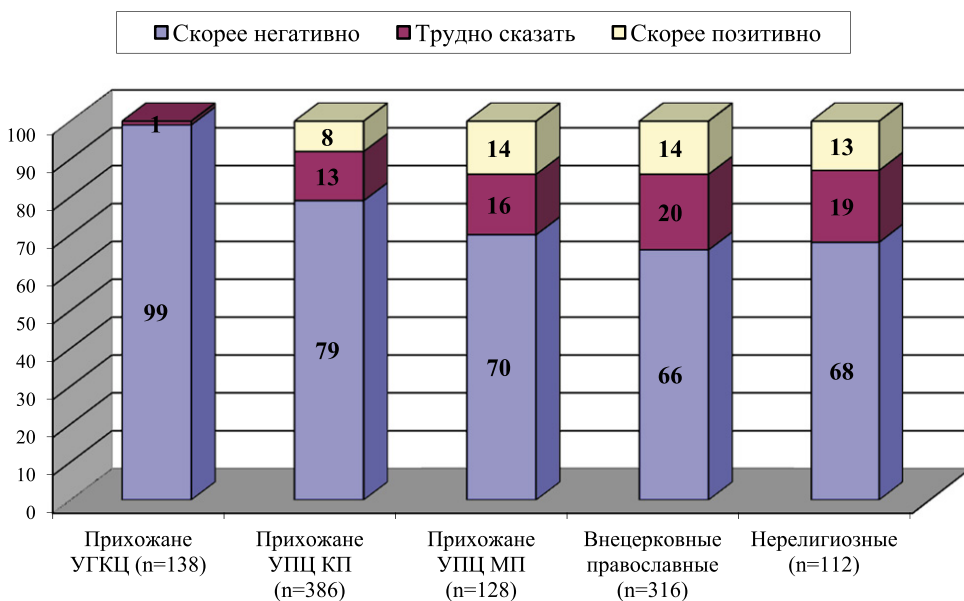

Рисунок 3. Отношение к присоединению к союзу России—Беларуси среди лиц, считающих Россию враждебным государством, 2016 г., %

Подобная проблема может быть и в случае проведения межконфессиональных сравнений. Ведь точно так же социально-демографическая структура верующих, принадлежащих к разным Церквям, может отличаться, и, возможно, в случае учета этих особенностей, различия в показателях прихожан разных Церквей будут нивелированы. Поэтому необходимо проверить, не являются ли зафиксированные выше связи (связь между принадлежностью к УГКЦ и УПЦ КП и более выраженной проевропейской позицией, и связь между принадлежностью к УПЦ МП и ориентацией на Россию) ложными.

Между прихожанами рассматриваемых конфессий статистически значимые отличия имеются по таким характеристикам, как национальность и регион проживания, а именно:

- среди прихожан УГКЦ и УПЦ КП статистически значимо больше тех, кто идентифицировал себя как украинца, тогда как среди прихожан УПЦ МП значимо больше тех, кто идентифицировал себя как русского;
- прихожане УГКЦ проживают только в западном регионе; среди прихожан УПЦ КП наибольшие доли проживают в западном и центральном регионах, тогда как среди прихожан УПЦ МП наибольшие доли проживают в восточном и южном регионах².

Исходя из таких особенностей прихожан разных конфессий, можно предположить, что отмеченные конфессиональные особенности геополитических ориентаций могут объясняться не влиянием церковной принадлежности, а национальностью и регионом. Теоретически, русские должны больше склоняться к России; и точно так же Юг и Восток, вследствие особенностей формирования населения этих регионов, всегда ориентировался на поддержание и расширение связей с Россией.

И такие закономерности действительно имеют место. Если среди украинцев присоединение к союзу России-Беларуси позитивно оценили 21 %, а негативно 61 %, то среди русских соответствующие показатели составили 56 % и 25 %. И наоборот, среди украинцев вступление в ЕС поддерживает 51 %, а не поддерживает 27 %; среди русских соответствующие показатели составили 23 % и 52 %. Можно сказать, что в обоих случаях соотношения зеркально противоположны. Таким образом, направление связи между геополитическими ориентациями и национальностью такое же, как между геополитическими ориентациями и конфессиональной принадлежностью. Однако, если мы посмотрим на множественную связь между этими тремя признаками, то увидим, что конфессиональные особенности сохраняются внутри национальных групп.

В частности, если рассматривать прихожан УПЦ КП украинской национальности, то среди них 67 % негативно оценили присоединение к союзу России/Беларуси, тогда как среди представителей этой же национальности, принадлежащих к УПЦ МП негативную оценку дали 49 %. И точно так же, среди прихожан-украинцев УПЦ МП значимо большей, чем среди прихожан УПЦ КП, является доля тех, кто позитивно оценил движение в сторону России. Аналогичная ситуация имеет место и относительно поддержки вступления в ЕС; среди украинцев — прихожан УПЦ КП уровень поддержки движения в сторону Запада выше, чем среди прихожан УПЦ МП той же национальности³ (табл. 3).

Провести такое же сравнение между разными группами верующих русских, к сожалению, невозможно, вследствие очень малого количества русских среди прихожан УПЦ КП. Однако уже данные по украинцам позволяют считать, что наверняка имеющееся влияние на геополитические ориентации национальной принадлежности ею не исчерпывается, и конфессиональная принадлежность также имеет в этом вопросе определенное значение.

² При анализе использовалось разделение на 4 макрорегиона: Запад (Волинская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Ровенская, Тернопольская, Черновицкая области), Центр (Винницкая, Житомирская, Киевская, Кировоградская, Полтавская, Сумская, Хмельницкая, Черкасская области и г. Киев), Юг (Николаевская, Одесская, Херсонская области), Восток (Днепропетровская, Запорожская, Харьковская области и районы Донецкой и Луганской областей, находящиеся под контролем Украины).

³ При этом и в группе украинцев мнения прихожан УПЦ МП почти совпадают с мнениями внецерковных православных и нерелигиозных лиц.

Таблица 3. **Отношение к присоединению к союзу России—Беларуси и к вступлению в ЕС среди респондентов, идентифицировавших себя как украинцев, 2016 г., %**

Группы респондентов	Отношение к присоединению к союзу России—Беларуси		Отношение к вступлению в ЕС	
	Позитивное	Негативное	Позитивное	Негативное
Прихожане УПЦ КП (n = 500)	18	67	55	23
Прихожане УПЦ МП (n = 220)	30	49	42	36
Внецерковные православные (n = 480)	27	50	43	32
Нерелигиозные (n = 169)	27	51	42	32

К таким же выводам придем, если посмотрим на множественную зависимость между геополитическими ориентациями, конфессиональной принадлежностью и регионом проживания верующих. Действительно, региональное влияние будет достаточно ощутимым. Например, если взять прихожан УПЦ КП, то среди них негативно относятся к присоединению к союзу России—Беларуси 94 % из тех, кто проживает в западном регионе, 71 % из тех, кто проживает в центральном регионе, 45 % проживающих в южном регионе⁴, и 32 % — в восточном; соответствующие же показатели позитивного отношения составят 2 %, 12 %, 30 % и 46 %. Точно так же, из прихожан УПЦ МП, проживающих на Западе, негативно относятся к движению в сторону России 76 %⁵, среди проживающих в Центре — 57 %, на Юге — 27 %, на Востоке — 28 %. Уровень поддержки прихожанами УПЦ МП такого союза также растет с 11 % на Западе, до 52 % на Востоке (табл. 4).

Таблица 4. **Отношение к присоединению к союзу России и Беларуси среди представителей разных конфессий в разных регионах, 2016 год, %**

Группы верующих/Регион проживания		Характер отношения		
		Негативное	Неопределенное	Позитивное
Прихожане УПЦ КП	Запад (n = 126)	94	5	1
	Центр (n = 228)	71	17	12
	Юг (n = 40)	45	25	30
	Восток (n = 127)	32	22	46
Прихожане УПЦ МП	Запад (n = 45)	76	13	11
	Центр (n = 83)	57	14	29
	Юг (n = 55)	27	33	40
	Восток (n = 104)	28	20	52

Однако, если сравнивать отношение к вопросам направления интеграции представителей разных конфессий внутри каждого региона, то увидим, что конфессиональные особенности частично сохраняются. Ведь, как видно из табл. 4, и на Западе, и в Центре поддержка присоединения к союзу России и Беларуси среди прихожан

⁴ Данные по Югу ненадежны вследствие того, что объем подвыборки УПЦ КП для этого региона составил 40 человек.

⁵ Данные ненадежны, поскольку объем украинской подвыборки УПЦ МП для этого региона составил 45 человек.

УПЦ КП ощутимо ниже, чем среди прихожан УПЦ МП. Также подобная закономерность заметна на Юге, однако размеры подвыборок для этого региона не позволяют делать достоверные выводы. На Востоке же влияния конфессиональной принадлежности не наблюдается (в обоих православных конфессиях уровень поддержки и негативного отношения в данном вопросе значимо не отличается).

Похожие закономерности имеют место и если рассматривать отношение к вступлению в ЕС. Здесь также в каждой конфессии поддержка этого шага уменьшается мерой движения с Запада на Восток Украины, и в то же время на Западе, в Центре, и (возможно) на Юге сохраняются различия между прихожанами УПЦ КП и УПЦ МП, а именно, имеет место большая поддержка курса на ЕС среди представителей первой группы. Таким образом, воздействие конфессионального фактора просматривается и на фоне региональной структуры, и можно утверждать, что этот фактор имеет некоторое самостоятельное значение.

Подытоживая вышесказанное, отметим несколько моментов, относящихся к рассмотренной проблеме. Во-первых, можно утверждать, что влияние конфессиональной принадлежности на геополитические ориентации религиозных людей имеет место. Однако вычленение такого влияния на фоне влияния других возможных факторов, оценка непосредственных масштабов этого влияния, является достаточно сложной задачей, требующей специальных исследований. Исходя из представленных данных, точную оценку этих масштабов сделать нельзя. Здесь, как и при формировании отношения к другим проблемам, религия сталкивается с действием других факторов, может совмещаться с ними, наслаиваться на них, выступать в качестве самостоятельного фактора или усиливать/ослаблять действие других факторов.

Во-вторых, разные конфессии (и в разных регионах) имеют разную меру влияния на своих прихожан. Очевидно, наибольшее влияние на своих последователей имеет греко-католическая Церковь; эта Церковь географически достаточно локализована (хотя и пытается расширять свое присутствие на всеукраинском уровне), ее прихожане демонстрируют высокий уровень воцерковленности, к тому же она имеет длительную традицию противостояния попыткам мягкой ассимиляции населения Западной Украины. В этом плане она напоминает католические церкви Польши и Ирландии, выступавшие важнейшим элементом сохранения национальной идентичности в условиях иностранного владычества. На Западной Украине греко-католическая церковь играла подобную роль в XIX—XX вв., что обусловило высокий уровень идентификации с ней ее прихожан и, соответственно, возможность сохранять ощутимое влияние даже в условиях массовой секуляризации.

Судя по представленным данным, значительно меньшим влиянием пользуется УПЦ Киевского Патриархата (что, возможно, является следствием определенной раздвоенности ее положения, о котором я говорил в начале статьи), а также меньшего уровня религиозности современных православных верующих. В свою очередь, влияние УПЦ КП представляется более значимым, чем влияние УПЦ Московского Патриархата. Такой вывод можно сделать исходя из значительно большего, чем среди прихожан других конфессий, расхождения позиций прихожан

этой Церкви и позиции самой Церкви (позиция последней является однозначно пророссийской, а среди ее прихожан имеется очень большая доля ориентирующихся на Запад). Кроме того, выше постоянно отмечалась близость мнений этой группы религиозных людей и мнений внецерковных православных и нерелигиозных лиц. Из этого можно сделать вывод, что позиции первых формируются, скорее, под влиянием общесоциальных, общекультурных факторов, а не под влиянием их Церкви.

Здесь уместно вспомнить, что данные других опросов, в которых фиксировались показатели религиозного поведения (частота посещения церкви, частота молитв), показывали: 1) значительно более высокий его уровень в западном и центральном регионах и значительно меньший — в южном и восточном регионах; 2) значительно более высокий его уровень среди греко-католиков и прихожан УПЦ Киевского Патриархата, и меньший — среди прихожан УПЦ Московского Патриархата. Так что меньшие масштабы влияния УПЦ МП неудивительны, учитывая, что влияние Церкви тесно связано с уровнем воцерковленности (по сути, с количеством контактов с Церковью); к тому же сама готовность к большей близости к Церкви должна быть тесно связанной с готовностью слушать эту Церковь.

В-третьих, в той части, где конфессии все же влияют на позиции их прихожан, это влияние больше направлено на интеграцию с Западом. Ведь две Церкви, которые оказывают более существенное влияние на своих прихожан (УГКЦ и УПЦ КП), нацелены именно на европейскую интеграцию, тогда как УПЦ МП не удается в достаточной мере обеспечивать влияние на умы своих последователей с точки зрения формирования пророссийских ориентаций. Соответственно, если у российского руководства имеются ожидания, что украинский «филиал» РПЦ сможет способствовать повороту украинцев в сторону России, — маловероятно, чтобы эти ожидания оправдались. Как уже говорилось, среди прихожан УПЦ МП — наименьший показатель совпадения их позиций с позицией их Церкви. И это может быть следствием как меньшей воцерковленности прихожан этой Церкви, так и того, что в условиях масштабного украино-российского конфликта пророссийская позиция УПЦ МП ведет к потере ею доверия, авторитета и собственно паствы. В то же время, ситуация несколько уравнивается тем, что те православные, которые индифферентны в своем отношении к конкретным Церквям, более близки к позициям УПЦ МП. Вероятно, тут играет роль их общеправославная ориентация, для носителей которой более естественной кажется близость именно с Россией. Это не единственное возможное объяснение, и теоретически подобное состояние может быть следствием меньшей, по сравнению с другими Церквями, активности УПЦ МП в продвижении собственных геополитических и социокультурных предпочтений, большей ее нейтральности в текущем социально-политическом конфликте. Однако принятие или отклонение такой гипотезы требует отдельного анализа «пропагандистской» деятельности рассмотренных Церквей.

Таким образом, клерикальный фактор отнюдь не следует сбрасывать со счетов при анализе геополитических предпочтений населения Украины, однако его влияние — достаточно диффузное и аморфное — относится к «мягкой» форме детерминации.

References

Вишняк А., Зоткин А., Поддубный В., Беленок А. Результаты социально-экономической трансформации общества и представления населения о желаемых геополитических выборах // Геополитические ориентации населения и безопасность Украины. По данным социологов. К. : ТОВ «Друкарня «Бізнесполіграф», 2009. С. 7—44. [Vishnyak A., Zotkin A., Poddubnyi V., Belenok A. Rezul'taty sotsial'no-ekonomicheskoi transformatsii obshchestva i predstavleniya naseleniya o zhelaemykh geopoliticheskikh vyborah [Results of socio-economic transformations of the society and public views about the desired geopolitical elections]. Geopoliticheskie orientatsii naseleniya i bezopasnost' Ukrainy. Po dannym sotsiologov [Geopolitical orientations of Ukrainian Citizens and Ukraine's sectary. Sociologists' data]. Kyiv, TOV «Drukarnya «Biznespoligraf». 2009. P. 7—44.]

Головаха Є., Паніна Н. Моніторингові дослідження Інституту соціології НАН України: методологія, методи, організація опитувань // Українське суспільство: моніторинг соціальних змін. К. : Інститут соціології НАН України, 2014. Т. 2. Вып. 1 (15). С. 5—12. [Golovaha Ye., Panina N. *Monitoryngovi doslidzhennja Instytutu sociologii' NAN Ukrai'ny: metodologija, metody, organizacija opytuvan'* [Monitoring studies of the Institute of Sociology of NAS of Ukraine: methodology, methods, organization of surveys]. *Ukrainian society: monitoring of social changes*. Kyiv, Institute of Sociology of NAS. 2014. Vol. 2. Issue. 1 (15). P. 5—12.]

Дембіцький С., Любива Т. Геополітичні орієнтації населення України: до і після конфлікту з Росією // Українське суспільство: моніторинг соціальних змін. 2014. Т. 1. Вип. 1 (15). С. 141—146. [Dembitskyi S., Liubyva T. Geopolitical Orientation of Ukraine's Population: Before and After the Conflict with Russia. *Ukrainian society: monitoring of social changes*. 2014. Vol. 1. Issue. 1 (15). P. 141—146.]

Хуткий Д. Мнения населения Беларуси и Украины о региональных геополитических союзах: межстрановые различия и динамика // Перекрёстки. 2014. № 1—2. С. 107—120. [Khutkii D. Mneniya naseleniya Belarusi i Ukrainy o regional'nykh geopoliticheskikh soyuzakh: mezhstranovye razlichiya i dinamika [Opinions of the Belarusians and Ukrainians about regional geopolitical alliances]. *Perekrestki*. [Crossroads digest]. 2014. № 1—2. P. 107—120.]

Шилов В. Н. К вопросу о геополитической ориентации современной Украины // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2014. № 1 (172). С. 184—191. [Shilov V. N. K voprosu o geopoliticheskoi orientatsii sovremennoi Ukrainy [On the Question of Geopolitical Orientation of Modern Ukraine]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya. Politologiya [Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Politics]. 2014. № 1 (172). P. 184—191.]